

Из книги А.С. Черняева «Шесть лет с Горбачевым»

1987 год Михаил Сергеевич начал преисполненный оптимизма и уверенности, что “процесс пошел”. **Январский Пленум ЦК и доклад Горбачева – событие неординарное. Приравнял Пленум к XXVII съезду КПСС. На него обратил внимание весь мир.** Высоко оценили этот Пленум и “идеологические противники”, увидев в позиции Горбачева подтверждение того, что он действительно хочет больших перемен “в правильном направлении” также и с точки зрения Запада.

“1987 году отведена важнейшая роль в реализации стратегического курса партии на ускорение... Мы вступаем в новый этап нашего движения, нашей работы по перестройке” (из доклада и заключительного слова М.С.). На Пленуме впервые было признано (и это нелегко далось, на заседаниях Политбюро перед Пленумом шла по этому вопросу острая дискуссия): в том, что страна оказалась к 80-м годам “в таком состоянии”, виновато руководство партии, а вместе с ним – и партийно-государственные кадры всех уровней.

В рамках ленинской критики и самокритики **Горбачев сделал едва ли не самый глубокий и острый со времен Ленина анализ прошлого и настоящего во всех областях – от отношения к теории до нравственного состояния общества.** Но... именно “в рамках”. Другой вопрос – мог ли он и хотел ли выйти за эти рамки. Думаю, что и не мог, а тогда – не хотел. При всем новаторстве доклад пестрит традиционными формулами, терминами, установками и призывами. Ленин, очищенный от искажений и творчески воспринимаемый, социализм как высшая общественная формация, но усовершенствованный в соответствии с первоначальными идеалами, партия, везде и всюду “начинающая с себя” и за все ответственная, кадры по-прежнему решают все. Оптимизм М.С. Горбачева (а трудности он прекрасно представлял себе – все и везде) покоился на воспитанном всей нашей прежней общей “биографией” убеждения, что “нет таких крепостей, которые большевики не могут взять”. И слова “большевизм”, “большевики”,

разумеется в самом прямом, самом революционном с точки зрения сотворения блага для народа смысле, опять пошли в ход.

М.С. очень гордился тем (до и после Пленума постоянно это подчеркивал), что, помимо небывало откровенной, честной критики причин и состояния дел, дана была программа действий. Это так. Но с учетом того, что произошло потом, ясно: эта программа тоже не выходила “за рамки” принципа “лучше работать каждому на своем месте” (в том числе каждому учреждению и партийному органу).

Глубоко изменилось все общество, переделать самих себя, но основу основ (социалистических, самой судьбой вроде бы определенных для “нашей страны”) не менять, рабоче-крестьянской власти не трогать (термин этот он тоже вернул из первоначальной советской истории).

Январский Пленум 1987 года М.С. мыслил как переломный именно в политике перестройки. Ибо итог за почти два года был тревожный. “Много решений принималось после апреля 1985-го и после XXVII съезда, – говорил он за день до Пленума на Политбюро. – Но лишь некоторые задели общество: о борьбе с пьянством и о Госприемке. И вот теперь – Закон о предприятии”.

“Наша забота – как исключить кризисные периоды из развития общества, как обезопасить партию от очень серьезных ошибок” (при обсуждении в узком кругу проекта доклада 19.1.1987 г.).

Увы! Решения партии, которые “задели общество”, оказались глубоко ошибочными. А Закон о предприятии, наверное, стал первым толчком к развалу экономики.

Передо мной десятки листов с убедительнейшими аргументами, почему и то, и другое, и третье, и еще много надо было делать, во всяком случае “что-то” со всем этим надо было делать. Задним числом легко судить. Теперь в подшивках и в библиотеках ворох язвительной публицистики и серьезных анализов, объясняющих, почему получилось “не то”. Но тогда-то?!

Замысел Горбачев виден: к раскрепощению инициативы, к расширению зоны свободы для производителя. Он хотел ослабить министерскую узду на предприятии, когда, по его словам, заводу, чтобы построить на территории сортир, надо спросить разрешение у Совмина; твердил о необходимости преодолевать отчуждение человека от предприятия. Закон о предприятии мыслился как шаг к рынку.

“Раньше такой Пленум не получился бы у нас, – оценивал Горбачев неделю спустя на ПБ. – Даже на XXVII съезде многого не могли бы сказать. И позже нельзя было бы. Только когда перестройка пошла вглубь, это стало возможным. Так что Пленум – своевременный”.

Но тут же предупредил, сославшись на информацию от Арбатова о его разговоре с одним видным американцем. Ближайшие два года, сказал тот, будут у вас самые трудные. Ибо перестройка начнет задевать всех, интересы всех слоев общества. И сопротивление будет нарастать. А там, где вы заденете интерес людей, будут формироваться и оппозиционные настроения. Руководству страны придется проходить проверку. И вот именно в такие периоды случаются отступления. Вы увидите, что кое в чем ошиблись, будете переделывать. И это вызовет настоящее сопротивление.

“Вот ведь какая получилась бесплатная консультация, – заключил Горбачев. – Но мы не дрогнем. Если ошибемся – не паниковать. А главное – включать народ. А кому это не подходит, кого заботит лишь свое, обойдемся без них. И не придется запасаться пулеметами и автоматами”.

В связи с январским Пленумом и, в общем-то, неподдельным энтузиазмом в откликах на него изнутри и извне я заметил у Горбачева стремление теоретически обосновать перестройку. Это была дань партийной ленинской традиции: всякое “большое дело” должно быть теоретически обосновано, лидер партии должен выглядеть также и теоретиком, развивающим марксизм-ленинизм. Но было и прагматическое соображение: предпринимаемые действительно неординарные, выходящие за пределы официальной ортодоксии меры нуждались в идеологическом

прикрытии, в том числе авторитетом Ленина – для большей “проходимости” в народе, и особенно в партии.

М.С. не раз в это время язвил по поводу бездарности и догматической зашоренности общественных наук. Вот некоторые его реплики на Политбюро:

“Что показало, например, заседание “Философского общества” по итогам январского Пленума? Что по-прежнему ждут каких-то указаний сверху. Хотя тех, ко жевал старую жвачку по поводу Пленума, сняли с трибуны хлопками. Но есть действительно и теоретические противники перестройки. Они прямо говорят, что все эти увлечения товарно-денежными отношениями, кооперацией, самофинансированием – сплошной ревизионизм”.

Или:

“Ленин никогда не думал, что дорога к социализму будет прямой. Он умел менять лозунги, когда того требовала жизнь. И никогда не был рабом раз принятых решений. Искусство политики в том, чтобы учитывать обстановку. И если есть преданность идеалам, делу рабочего класса, то нечего бояться, что какие-то формы, внешне похожие на то, что имеет местов другой системе, могут подорвать социализм. А мы заостенели с своих формулах”».

Черняев А.С. «Шесть лет с Горбачевым». С. 128-131.